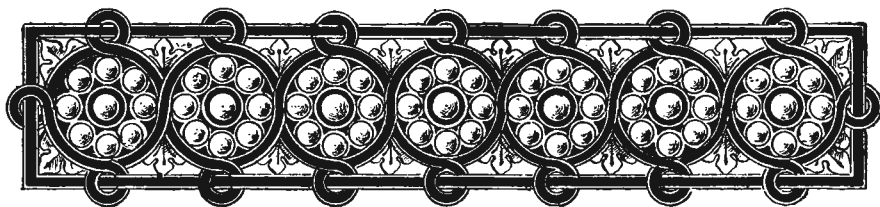

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ІЮЛЬ, 1910 Г.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ХАНА НАСРЪ-ЭДДИНА.

Въ 1873 г. было учреждено наше военное агентство въ сосѣдномъ Коканскомъ ханствѣ, и первымъ военнымъ агентомъ назначенъ возвратившійся изъ Петербурга Скобелевъ, только что женившійся, произведенный въ полковники и назначенный флигель-адъютантомъ.

Въ помощь ему, въ качествѣ военного топографа, былъ назначенъ подпоручикъ одного изъ туркестанскихъ батальоновъ Рудневъ и для конвоя придано нѣсколько казаковъ. Волею судьбы полковникъ Скобелевъ былъ первымъ и послѣднимъ военнымъ агентомъ, такъ какъ вскорѣ послѣ его прибытія въ Кокандъ жители Ферганы, выведенные изъ терпѣнія жестокостями и чрезмѣрными поборами своего хана Худояра, подняли знамя возстанія, перебили чиновниковъ и осадили ханскій дворецъ. Худояръ-ханъ за три года управленія истребилъ до 20 тысячъ своихъ подданныхъ, и, кромѣ того, народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ и постоянныхъ поборовъ. Ханъ самъ занимался ростовщичествомъ и, монополизировавъ нѣкоторые виды торговли, нажилъ отъ своихъ подданныхъ миллионы рублей.

Во главѣ возстанія былъ молодой сынъ Мусульманъ-Кула Абдурахманъ. Онъ объявилъ о низложеніи хана, и на его мѣсто былъ объявленъ ханомъ сынъ Худояра—Насръ-Эддинъ. Самому Худояру, спасая свою жизнь и захваченную казну, пришлось бѣжать въ Россію, и онъ присоединился къ уѣзжавшему русскому военному агентству, что вызвало нападеніе со стороны бунтовщиковъ, желавшихъ захватить, если не самого хана, то хотя забран-

ную имъ казну, и, только благодаря героической храбрости какъ самого Скобелева, такъ и горсти его конвоя, имъ удалось пробиться въ Ходжентъ.

Увлеченные этимъ преслѣдованіемъ, разсерженные неудачами, а равно и гостепріимствомъ, оказаннымъ нашимъ правительствомъ низложенному хану, отдѣльныя шайки кокандцевъ не остановились на границѣ, но вторгнулись въ наши предѣлы, гдѣ къ нимъ присоединились всѣ недовольные изъ нашихъ новыхъ подданныхъ сартовъ, и скоро весь Ходжентскій уѣздъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ стояли гарнизоны, оказался во власти шаякъ.

При быстромъ и неожиданномъ нападеніи шайкамъ удалось захватить на ходжентскомъ базарѣ нѣсколько русскихъ женщинъ, на станціи Мурза-рабѣтъ двухъ подпрапорщиковъ Колусовскаго и Эхгольма, ѣхавшихъ, по окончаніи училища, въ полкъ, и всѣхъ этихъ плѣнныхъ отправить въ Кокандъ. Были разграблены всѣ почтовые станціи, сожжены близъ Ходжента стеклянный заводъ Фавицкаго, около селенія Нау ограблены и убиты казначей Васильевъ и докторъ Петровъ, а головы ихъ, вмѣстѣ съ двумя малолѣтними дочерьми доктора, тоже были отправлены, какъ трофеи, къ коканскому хану.

Всѣ эти дешевые успѣхи вскружили азіатскія головы. Муллы объявили «хазавать», т. е. священную войну противъ христіанъ, и громадныя полчища подъ начальствомъ того же Абдурахмана стягивались къ приграничной крѣпости Махраму.

Все это заставило бывшаго въ то время командующаго войсками генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го быстро сформировать отрядъ и форсированнымъ маршемъ подступить къ Махраму, гдѣ кокандцы были разбиты на голову, а крѣпость взята штурмомъ.

Затѣмъ наши войска продвинулись къ гор. Коканду и въ трехъ верстахъ отъ него стали бивуакомъ противъ Сары-Мазарскихъ воротъ, которыя заняла наша пѣхота.

Ханъ выслалъ въ нашъ отрядъ всѣхъ плѣнныхъ и просилъ мира, впередъ соглашаясь на всѣ условія, лишь бы сохранить хотя часть владѣній и свой тронъ.

Пока тянулись переговоры и писались условія мира, намъ, строевымъ офицерамъ, нечего было дѣлать, а сознаніе, что всего за три версты городъ живетъ своею, совершенно своеобразною жизнью, подстрекало любопытство. Хотѣлось взглянуть и на жизнь еще самостоятельнаго деспота, съ его восточною роскошью, гаремами, ужасными казнями и вообще взглянуть на восточную жизнь, еще не тронутую цивилизаціей. Если не воспользоваться этимъ случаемъ, то другой могъ и не повториться. Переговоры могли прерваться во всякое время, Кокандъ быть взятъ, и тогда бы онъ не представлялъ большого интереса, чѣмъ остальные русскія владѣнія въ Средней Азіи. Открытыхъ враждебныхъ противъ меня дѣйствій въ непріятель-

скомъ городѣ я не боялся. Сарты отлично сознавали, что это повредило бы перемирію и повлекло бы за собою увеличеніе контрибуціи и другія репрессивныя мѣры, и я отправился къ моему начальнику просить разрѣшить поѣздку. Баронъ Меллеръ прямого разрѣшенія не далъ, но сказалъ, что если я поѣду, то онъ объ этомъ постарается не знать, но предупредилъ, что, кромѣ риска быть пристрѣленнымъ какимъ-либо фанатикомъ, меня могутъ захватить и по распоряженію самого хана, чтобы затѣмъ выдать взамѣнъ части контрибуціи и что тогда я буду преданъ военному суду за дезертирство къ непріятелю. Въ тотъ же день послѣ полудня ханъ ожидался въ лагерь для личныхъ переговоровъ съ Ярымъ-падишахомъ (полуцаремъ), и Меллеръ совѣтовалъ скорѣе вернуться, на случай, если бы переговоры были прерваны.

Обрадованный такимъ полуразрѣшеніемъ, я долго не собирался. Пригласивъ двухъ товарищей, Норманскаго и Любомирова, и взявъ служившаго у меня джигита въ качествѣ переводчика, мы четверо верхами уже чрезъ полчаса, переѣхавъ чрезъ тройной рядъ рвовъ, въѣхали чрезъ ворота въ четырехсаженной стѣнѣ въ непріятельскій городъ.

Кокандъ рѣзко отличался отъ другихъ городовъ Туркестана своими широкими улицами и бульварами. Даже попадались кирпичные дома богатыхъ купцовъ, побывавшихъ въ Россіи, съ окнами прямо на улицу, чрезъ которыя была видна европейская обстановка парадныхъ комнатъ, но скоро намъ пришлось убѣдиться, что цивилизующее вліяніе Европы дальше этихъ оконъ и дверей на улицу не пошло.

На одномъ изъ бульваровъ намъ встрѣтился сартъ, несшій на рукахъ небольшую дѣвочку лѣтъ 8—9. Дѣвочка была очень худа, съ большими грустными черными глазами, одѣтая въ одну длинную рубашку изъ англійской кисеи. Миловидное личико ребенка было немного испорчено слѣдами бывшей коканки (родъ проказы, сильно распространенной между туземцами).

Поравнявшись съ нами, сартъ посадилъ дѣвочку прямо на пыльную дорогу и, что-то крича намъ, сталъ горопливо стягивать съ нея рубашку и такъ какъ это ему не удавалось, то онъ наградилъ ее такимъ ударомъ кулака по головѣ, что бѣдная жертва въ обморочномъ состояніи упала.

Чрезъ переводчика мы узнали, что сартъ только что отобралъ эту дѣвочку за долги отъ какой-то вдовы и предлагалъ намъ купить ее на время нашего пребыванія въ городѣ за пять тилей, т. е. за 20 рублей.

Нашъ джигитъ намочилъ голову дѣвочки, она очнулась и начала плакать. Если кто изъ насъ, желая ее утѣшить, подходилъ къ ней, то она съ крикомъ ужаса убѣгала, бросаясь на шею къ своему мучителю, черезъ котораго мы подарили ей нѣсколько бре-

локовъ отъ часовъ, и она, утѣшившись, тутъ же стала привѣшивать ихъ къ своимъ волосамъ. Дали нѣсколько рублей и сарту, приказавъ нести ее домой, и старались внушить ему, что онъ можетъ быть ея убійцею, продавая такую еще совершенно не сформировавшуюся дѣвочку и что и Аллахъ караетъ убійцъ; но чрезъ переводчика получили отвѣтъ, что если она по волѣ Аллаха умретъ — то ему изъянъ будетъ, но что если выживетъ, то ему большой барышъ будетъ!

Послѣ такого отвѣта мы увидѣли, что словами этого торговца живымъ товаромъ не проймешь, а другихъ способовъ въ чужомъ городѣ у насъ не было, и мы, бросивъ его, поѣхали на базаръ.

Въ то время коканскій базаръ былъ самый богатый во всемъ Туркестанѣ.

Тамъ можно было найти все, что производила страна, и, кромѣ того, привозные товары изъ Россіи, Персіи, Англіи и Индіи. На мѣстныхъ издѣлія, напр., ковры, шелковыя ткани, мозаичныя издѣлія изъ бирюзы, каракулевыя халаты и мѣдныя издѣлія чеканной работы цѣны были баснословно дешевыя.

Продвигаясь отъ лавки къ лавкѣ, мы прошли почти весь базаръ и попали въ мясные ряды, гдѣ около одной изъ лавокъ собралась очень волнующаяся и кричащая толпа. Когда мы подъѣхали, толпа разступилась, и мы увидѣли ужасную картину. Посреди грязной, немощенной улицы, въ громадной лужѣ крови валялся трупъ только что зарѣзаннаго молодого сарта. Онъ былъ босъ, почти голый. На немъ ничего не было, кромѣ короткихъ полосатыхъ шароваръ, доходящихъ до колѣна. Голова почти отдѣлилась отъ туловища, держась лишь на хребетномъ столбѣ, руки связаны на спинѣ, лица не было видно, такъ какъ онъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ землю.

Оказалось, что сегодня ханъ уже разбиралъ судныя дѣла и всѣхъ приговоренныхъ къ казни привели на базаръ и заперли въ одну изъ пустыхъ мясныхъ лавокъ, откуда они, а ихъ было 6 человекъ, чрезъ двери и щели въ деревянной стѣнѣ лавки, смотрѣли на казнь и переговаривались съ родственниками, торопясь проститься и передать послѣднія приказанія, пока еще не дошла до нихъ очередь быть зарѣзанными.

Отсутствіе ли женщинъ и дѣтей, или по тупой покорности судьбѣ, но на лицахъ какъ самихъ осужденныхъ, ихъ родственниковъ, такъ и праздно толпы не видно было ужаса; всѣ болтали, кричали, и нѣкоторые даже смѣялись!

Около зарѣзаннаго и уже застывшаго трупа стоялъ высокаго роста и кривой на одинъ глазъ палачъ, одѣтый въ красный ватный халатъ, съ засученными рукавами. Одна изъ рукъ и очень тонкій, немного кривой и длинный ножъ, который онъ держалъ, были запачканы въ крови. Палачъ изрѣдка лизалъ съ ножа человѣче-

скую кровь и косилъ свой единственный глазъ на публику, желая подмѣтить, какое это производитъ впечатлѣніе. Ему хотѣлось бы возможно болѣе утратить ее, чтобы она была щедрѣе.

Палачъ опредѣленнаго содержанія и даже поштучной платы, какъ у насъ, не получалъ и жилъ на взятки, получаемыя отъ родныхъ казненныхъ.

У сартовъ головъ не рубили, а людей рѣзали по тому же способу, какъ они рѣжутъ барановъ, т. е. лезвіе очень остраго и тонкаго ножа протыкается съ одной стороны шеи на другую и затѣмъ быстро протягивается впередъ, такъ что если ножъ былъ воткнутъ между шейными позвонками и сонными артеріями, то при движеніи ножа впередъ артеріи перерѣзались и получалась огромная рана, и смерть наступала почти мгновенно, но если палачъ былъ недоволенъ подаркомъ, то онъ прорѣзалъ только переднюю часть горла и казненный мучился долгое время, храпя и истекая кровью.

Казнь остальныхъ воровъ была приостановлена, такъ какъ ихъ родственники и даже сами потерпѣвшіе отправились съ подарками къ хану просить о смятеніи приговора и скоро пріѣхалъ придворный, объявивъ, что ханъ замѣнилъ смертную казнь отрубаніемъ пальцевъ лѣвой руки, что откладывается до слѣдующаго дня.

По рассказамъ палача, вору отрубаетъ пальцы тотъ же палачъ, у тѣхъ же мясныхъ лавокъ, пользуясь тѣмъ же топоромъ и тѣмъ же обрубкомъ дерева, которые употребляются въ той лавкѣ при рубкѣ бараньяго мяса. Руку, у которой палачъ отрубилъ пальцы или всю кисть (тоже смотря по взяткѣ), сейчасъ же окунаютъ на секунду въ котелокъ съ кипящимъ бараньимъ саломъ и затѣмъ оперированнаго отпускаютъ на всѣ четыре стороны.

Въ кипящее сало опускаютъ изуродованную руку не съ цѣлью увеличить боль и страданія казнимаго, но для предупрежденія гангрены, и, по ихъ словамъ, послѣ такого варварскаго леченія, рука заживаетъ быстро и безъ особаго леченія.

Казни же знатныхъ лицъ, особенно важныхъ преступниковъ, или посаженіе на колъ всегда обставлялись особой торжественностью и производились на дворцовой площади.

Для посаженія на колъ приговореннаго привязывали къ арбѣ, перегнувъ его пополамъ, а къ другой арбѣ, такой же самой высоты, привязывался длинный, толщиною въ двѣ руки, заостренный колъ, и эту арбу шесть человекъ накатывали на преступника, а палачъ направлялъ остріе кола, который сразу влѣзалъ на полтаршина въ тѣло казнимаго, при чемъ послѣдній послѣ короткаго крика впадалъ въ безпамятство, тогда его и колъ, въ него всаженный, отвязывали отъ обѣихъ арбъ, колъ поднимали и вставляли его толстымъ, тупымъ концомъ въ яму и укрѣпляли въ вертикальномъ положеніи.

Чрезъ нѣкоторое время сознаніе возвращалось, казненный кричалъ, конвульсивно шевелился и тѣмъ помогаль колу еще глубже войти въ его тѣло, и такъ повторялось до тѣхъ поръ, пока колъ не повреждалъ какихъ-либо важныхъ внутреннихъ органовъ, или казненный не исходилъ кровью.

Тутъ такъ же, какъ и въ описанныхъ выше казняхъ, все зависѣло отъ ловкости палача, т. е. отъ полученнаго имъ подкупа. При желаніи подолѣе помучить колъ направлялся не прямо по направленію къ желудку, а въ бокъ и онъ упирался въ ребра, и тогда казненный могъ жить, сидя на колѣ, болѣе сутокъ.

Когда Скобелевъ вступилъ въ Маргеланъ, то на площади еще валялись тѣла русскихъ плѣнныхъ, которыхъ наканунѣ Пулатъ-ханъ посадилъ на колы, при чемъ тѣла рядовыхъ казаковъ уже совершенно окостенѣли, тѣло же поручика Святополкъ-Мирскаго было еще тепло. Видимо, онъ скончался много позже остальныхъ казненныхъ.

Описанный базаръ прилегалъ къ дворцовой площади, на которой полукругомъ стояли нѣсколько десятковъ орудій, изъ которыхъ не было и двухъ одинаковыхъ. Изъ большинства этихъ пушекъ никогда не стрѣляли. И небезопасно, да и нѣтъ ядеръ подходящаго калибра, но все же это были пушки, которыхъ не было у мелкихъ бековъ, и это придавало особый блескъ и хану, и его войску. Когда же эти пушки попадались русскимъ войскамъ, то начальниковъ тѣхъ частей, согласно статуту, представляли къ Георгію, а затѣмъ само орудіе, какъ уже окончательно использованное, бросалось въ первомъ же русскомъ укрѣпленіи, тѣмъ болѣе, что оно было чугунное и, какъ ломъ, не представляло никакой цѣнности.

Самый дворецъ хана стоялъ на небольшомъ холмѣ, бока котораго были вертикально срѣзаны и облицованы камнемъ. Стѣны дворца всѣ облицованы разноцвѣтнымъ кафелемъ съ преобладаніемъ зеленого и желтаго цвѣтовъ. Изъ этихъ кафелей на стѣнахъ получалась красивая узорчатая ткань съ изображеніемъ льва надъ воротами и арабскими надписями и арабесками на стѣнахъ, такъ что видъ дворца былъ красивъ, несмотря на отсутствіе оконъ. Дворецъ окружался тремя стѣнами, въ пространствѣ между которыми были построены сакли для придворнаго штата и казармы для солдатъ. Въ каждой стѣнѣ было лишь по однимъ воротамъ, всегда занятымъ сильнымъ карауломъ. Благодаря небольшому «бешкешу» (взяткѣ), начальникъ караула первыхъ воротъ взялся выхлопотать намъ аудіенцію у хана, но во вторыхъ воротахъ съ насъ вновь взяли бешкешъ и пропустили только до третьихъ и лишь тамъ къ намъ вышелъ уданчи, т. е. церемоніймейстеръ, сейчасъ же попросившій бешкешъ, и, удовольствовавшись нѣсколькими рублями, пошелъ съ докладомъ къ хану.

Черезъ полчаса насъ позвали во дворецъ, потребовавъ, чтобы мы сняли оружіе и оставили его въ караулѣ; но мы наотрѣзъ отказались, заявивъ, что по нашимъ обычаямъ было бы оскорбленіемъ для хана, если бы мы осмѣлились явиться къ нему безъ оружія и что мы скорѣе откажемся отъ аудіенціи, чѣмъ рѣшимся на такой поступокъ, и намъ разрѣшили, вынувъ револьверы изъ кобуръ, спрятать ихъ въ голенища нашихъ сапогъ.

Пріемъ былъ во внутреннемъ дворѣ, обнесенномъ со всѣхъ четырехъ сторонъ крытою галереєю, середина же двора была безъ крыши и на половину занята бассейномъ. Полъ галереи былъ выше пола двора на аршинъ, и на положенномъ на полу бархатномъ тюфякѣ, набитомъ ватою, сидѣлъ, поджавъ по восточному ноги, ханъ Насръ-Эддинъ, одѣтый въ пунцовый бархатный, шитый золотомъ халатъ, съ бѣлою изъ англійской кисеи чалмою на головѣ, которая отбѣняла его молодое, красивое, смуглое лицо съ небольшою черною бородою.

Придворные и министры находились подъ навѣсами другихъ трехъ галерей и сидѣли на простыхъ камышевыхъ цыновкахъ и только одинъ ближайшій ханскій совѣтчикъ мулла Исса-Ауліе (впослѣдствіи посланный въ Россію) сидѣлъ на небольшомъ коврикѣ. Когда ханъ обращался къ кому-либо изъ нихъ, то тотъ раньше, чѣмъ отвѣтить, проводилъ ладонями рукъ по своему лицу, бородѣ, брался руками за животъ и кланялся въ сторону хана, касаясь лбомъ до выложеннаго кафельными кирпичами пола. Насъ подвели вплотную къ галереѣ, гдѣ сидѣлъ ханъ, и мы пожелали ему «ассалямъ-алейкумъ» (здравія желаемъ), на что онъ, поблагодаривъ, спросилъ насъ о здоровьи ярымъ-падишаха (полуцаря, генерала Кауфмана) и нашемъ. Незадолго до того прочтенное мною сочиненіе Вамбери помогло мнѣ сказать витіеватую привѣтственную рѣчь въ чисто восточномъ вкусѣ и когда ее переводилъ мой джигитъ, то ханъ все повторялъ слово «хощъ», выражая тѣмъ свое удовольствіе, но въ концѣ рѣчи я упомянулъ о его гуманности и отмѣнилъ въ тотъ день смертныхъ казней и выразилъ надежду, что скоро смертные приговоры будутъ въ видѣ исключеній, воры не будутъ калѣчиться, а заключаться въ тюрьмы; но ханъ сказалъ, что онъ очень сожалѣетъ, что мы опоздали и не видѣли, какъ онъ въ то утро кормилъ преступникомъ двухъ огромныхъ сомовъ, живущихъ въ садовомъ прудѣ. Каждый четвергъ одного изъ приговоренныхъ къ казни съ полусвязанными ногами бросаютъ въ прудъ съ отвѣсными берегами противъ стеклянной галереи ханскаго гарема. Брошенный старается переплыть и вылѣзть на противоположный берегъ бассейна, гдѣ нѣтъ стражи, но и опытные сомы не дремлютъ и хватаютъ за голыя ноги осужденнаго, стараясь втянуть его въ глубь. Несчастный, которому обѣщана жизнь, если онъ выберется на берегъ, отбивается отъ этихъ прожорливыхъ рыбъ, имѣя

свободными лишь руки, а на эту борьбу, окончивающуюся всегда побѣдою рыбъ, съ хохотомъ любятъ ханъ и его гаремъ.

Когда позже Кокандъ былъ взятъ русскими, то одинъ изъ сомовъ еще былъ живъ, и разъ рядовой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, полоща въ томъ прудѣ рубаху, былъ схваченъ за руку подкравшимся сомомъ, о которомъ не знали или забыли. Къ счастью, солдатикъ отдѣлался сильнымъ пораненіемъ пальца о зубы рыбы. Сейчасъ же выпустили воду изъ бассейна и на днѣ, между человѣческими костями, лежалъ толстый сомъ около сажени длиною. Его убили, а мясо, по распоряженію командира стрѣлковой бригады, роздали на ротныя кухни, но, понятно, этой ухи никто не ѣлъ, и послѣ отсылки пробныхъ процій начальству ее вылиди изъ котловъ.

Послѣ разсказа хана о только что бывшей его забавѣ съ сомками у меня пропала всякая охота продолжать аудіенцію, мнѣ захотѣлось поскорѣе выбратъ изъ дворца, и я просилъ хана разрѣшить осмотрѣть дворецъ и садъ. Ханъ былъ въ хорошемъ расположеніи и сейчасъ же приказалъ своему церемоніймейстеру все намъ показать, угостить традиціоннымъ пловомъ и одарить, согласно обычаю, халатами; но въ это время одинъ изъ моихъ товарищей, поручикъ Любомировъ, вставилъ и свою просьбу—разрѣшить намъ осмотрѣть ханскихъ лошадей. Ханъ сразу нахмурился и, видимо, сердясь, сталъ почти кричать, что будто бы всѣ лучшія лошади отца во время его бѣгства попали въ руки русскимъ, а своихъ лошадей онъ отправилъ внутрь ханства, и мы ихъ не получимъ и никогда не увидимъ. Вѣроятно, ханъ, по своей азіатской подозрительности, подумалъ, что цѣлью нашей поѣздки было выглядѣть, какія у него лошади и гдѣ стоятъ, чтобы затѣмъ легче было ихъ захватить. Разубѣдить его въ этомъ было нельзя, такъ какъ онъ сразу объявилъ объ окончаніи аудіенціи и что онъ сейчасъ же ѣдетъ въ лагерь для продолженія переговоровъ съ Кауфманомъ о мирѣ.

Церемоніймейстеръ, не показывая залъ дворца, повелъ насъ чрезъ особый неможенный дворикъ, гдѣ каждое утро ханъ любитъ на драку собакъ и бои куропадокъ и перепеловъ. Къ этому двору прилегалъ садъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ толстою глинобитною стѣною въ нѣсколько сажень высоты. Садъ былъ очень хорошъ; кромѣ мѣстныхъ растеній, въ саду были растенія южнаго Китая и Индіи, а подъ высокимъ навѣсомъ для защиты отъ солнца росло нѣсколько штукъ чахлахъ сосенъ и елей. Но всѣмъ этимъ мы могли любоваться, лишь стоя на одномъ мѣстѣ, а въглубь сада насъ не пустили, такъ какъ въ то время тамъ гуляли дамы и мальчики (батчи) гарема, и мы стали прощаться, торопясь уѣхать въ лагерь ранѣе хана; но придворные требовали, чтобы мы вернулись во дворецъ, гдѣ, по ихъ словамъ, было уже готово угощеніе и пловъ. Боясь, чтобы насъ не окормили соннымъ порошкомъ, что часто

практиковалось не только съ отдѣльными личностями, но и съ цѣлыми посольствами сосѣднихъ ханствъ, мы наотрѣзъ отказались отъ плова, хотя и знали, что таковой отказъ считается у сартовъ большимъ невѣжествомъ. Уступивъ наконецъ нашимъ просьбамъ, насъ проводили къ выходнымъ воротамъ, гдѣ три придворныхъ служителя ожидали насъ съ ханскими подарками. Каждому изъ насъ предназначалось по 9 халатовъ. При нашемъ приближеніи всѣ 27 халатовъ были разложены для обозрѣнія ихъ, и они пестрѣли всѣми цвѣтами радуги. Два-три были парчевые, но на ситцевой подкладкѣ, большинство же изъ матеріи изъ сырого шелка пополамъ съ бумагой, изъ каковой обыкновенно дѣлаются сартовскіе халаты, такъ какъ Магометъ, желая отвратить правовѣрныхъ отъ роскоши, запретилъ мужчинамъ носить чисто шелковыя ткани. Мы поблагодарили за подарки, но принять ихъ отказались, ссылаясь на то, что, будучи верхами, мы не въ состояніи были ихъ взять съ собою, а главное, не предвидя ихъ, мы не имѣли съ собою вещей, которыми могли бы, согласно обычаю, отдарить придворныхъ отъ себя, взявъ этихъ халатовъ. Церемоніймейстеръ, видимо, обрадовался нашему отказу и сердечно простился съ нами. Вѣсть, что у хана въ гостяхъ три русскихъ офицера, собрала на дворцовой площади тысячную толпу, чрезъ которую удалось проѣхать лишь бросая мелкія монеты, за которыми толпа, давя другъ друга, бросалась въ стороны, освобождая намъ путь.

Вернувшись въ лагерь, мы застали уже тамъ хана, который, видимо, проговорился о нашемъ къ нему визитѣ; но все кончилось тѣмъ, что вечеромъ былъ полученъ приказъ полевого штаба, строго воспрещавшій поѣздки въ городъ.

Чрезъ нѣсколько дней миръ былъ заключенъ. Мы присоединяли къ себѣ лишь правый берегъ Сыръ-Дарьи (Наманганскій отдѣлъ), всѣ же земли по лѣвому берегу попрежнему составляли независимое владѣніе хана Насръ-Эддина, и войска наши лишь прошли чрезъ Кокандъ, остановившись на нѣсколько минутъ на дворцовой площади, пока ген. Кауфманъ отдавалъ визитъ хану, во время котораго генераль взобрался и сидѣлъ на ханскомъ тропѣ. Но послѣ ухода нашихъ войскъ Насръ-Эддинъ не сумѣлъ сохранить своего трона. Вскорѣ начались бунты, и ему пришлось, подобно отцу, бѣжать подъ защиту русскихъ. Ханство было присоединено къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области, а ханъ водворенъ въ Россіи. Во время этого бѣгства Насръ-Эддинъ остановился въ Махрамѣ, въ тамошнемъ дворцѣ, ожидая рѣшенія своей участи. Какъ разъ въ то же время я проѣздомъ былъ въ Махрамѣ и зашелъ во дворецъ. Ханъ со свитою, всего изъ трехъ человѣкъ, сидя на полу пустой комнаты, ѣлъ пловъ. Онъ узналъ меня и пригласилъ къ плову. На высказанное мною удивленіе, что примѣръ изгнанія

его отца за жестокости не былъ имъ принять къ свѣдѣнію и онъ продолжалъ тѣ же ужасныя казни, какъ сажаніе на колъ, и тѣ же звѣрскія забавы, какъ кормленіе огромныхъ сомовъ живыми людьми, Насръ-Эддинъ философски отвѣтилъ, что если онъ такъ дѣлалъ, то, слѣдовательно, этого хотѣлъ Аллахъ, такъ какъ на все воля Аллаха и противъ предопредѣленія человѣкъ итти не можетъ. Послѣ этого свиданія я болѣе съ Насръ-Эджиномъ уже не встрѣчался.

К. К. Трионовъ.

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

1909 АВГУСТЪ №10

СОДЕРЖАНІЕ

И. Сазановъ.—Въ первый разъ . . .	1	М. Энгельгардтъ. Наши предки.	88
Э. Гольдштейнъ.—Изъ дневника маленькаго революціонера.	15	Н. Трионовъ. Полевые суды въ средней Азіи во времена Скобелева.	91
М. Преміровъ.—Счастье Ліи.	35	Д-ръ В. Рахмановъ. Трудъ и бо- лѣзнь.	95
СТИХОТВОРЕНІЯ. А. Рослав- лева, А. Грина, Л. Соболева, А. Боане.		В. Брусянинъ. Текущая жизнь.	101
К. Эйзерманъ. Литераторскіе мо- стки на Волковомъ клад- бищѣ.	75	П. Берлинъ. Очерки иностранной жизни	110
		Библіографія.	120

Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

На годъ—2 руб.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:
СНБ, СВѢЧНОЙ, 16.

ПОЛЕВЫЕ СУДЫ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВРЕМЕНА СКОБЕЛЕВА.

(Изъ дневника ординарца).

Статья К. К. Тріонова.

Читая о «усмерителяхъ» послѣднихъ годовъ, въ большинствѣ начавшихъ свою боевую службу въ Средней Азій, я вспоминаю объ ихъ среднеазиатской практикѣ,—въ частности о полевомъ судѣ того времени.

Никакихъ дознаній и слѣдствій не производилось и судовъ не засѣдало. О провинившемся докладывалось начальнику отряда и онъ тутъ же, часто сидя за закуской, рѣшалъ «взвесить», «разстрѣлять» или «погнать» обвиняемого. Другихъ резолюцій не было, а эти сейчасъ же и приводились въ исполненіе чрезъ кого-либо изъ состоящихъ въ свитѣ начальника отряда офицеровъ и въ большинствѣ приговоръ даже не объявлялся обвиняемому.

Впрочемъ, какъ все это было упрощено, читатель увидитъ самъ изъ приводимой ниже выписки изъ моего дневника, который я велъ во время нашего похода при завоеваніи Ханства Коканскаго.

«7 января 1876 г. Послѣ нѣсколькихъ усиленныхъ рекогносцировокъ, сегодня генералъ-маіоръ свиты Его Величества *Скобелевъ* отдалъ приказаніе нашему отряду сняться съ позиціи на Мусульманъ-Куль-Арыкѣ и со всѣмъ обозомъ перейти на Акъ-Чикмасскія высоты, что вблизи города Андижана.

Не буду описывать ни этого перехода, ни того, какъ для переправъ черезъ безчисленные рѣчки и ручьи капитаномъ *Церпишкинъ*¹⁾ были устроены подвижные мосты на арбахъ, перевозимые на лошадяхъ съ одной рѣчки на другую, все—это будетъ въ реляціи, скажу лишь, что на новую позицію мы пришли поздно при свѣтѣ костровъ, а съ разсвѣтомъ былъ назначенъ штурмъ города Андижана, зубцы высокихъ стѣнъ котораго ясно обрисовывались, при свѣтѣ луны, на безоблачномъ небѣ.

Было еще очень рано и темно, когда войска стали безъ шума готовиться къ бою. Всѣхъ штурмовыхъ колоннъ было назначено три и одною изъ нихъ (среднею) командовалъ самъ Скобелевъ. Я былъ адъютантомъ въ колоннѣ полковника флигель-адъютанта барона Меллеръ-Закомельскаго²⁾, гдѣ колонновожатымъ былъ только что окончившій академію генеральнаго штаба, конно-гвардейской артиллеріи штабсъ-капитанъ, Боголюбовъ.

Такъ какъ этой колоннѣ приходилось сдѣлать обходное движеніе—то мы выступили ранѣе другихъ. Сдѣлавъ обходъ, мы втянулись въ узкія извилистыя улицы садовъ предмѣстья Андижана и подвали столбъ пыли.

У защитниковъ города не было орудій и они насъ

не тревожили, но зато когда нашу пыль увидѣли на нашемъ бивакѣ, то по насъ открыли огонь и только благодаря неумѣнью быстро пристрѣляться мы не понесли урона.

Наконецъ, послѣ одного изъ поворотовъ дороги, мы увидѣли шагахъ въ 400 передъ собою высокую глинобитную городскую стѣну и ворота съ башнею надъ ними. По насъ сдѣлали со стѣны залпъ, судя по звуку, ружей изъ тридцати. Колонна съ крикомъ «ура» бросилась къ стѣнѣ. По насъ стрѣляли уже одиночные люди и стрѣльба все утихала, а когда мы подбѣжали, то стрѣльба прекратилась, видимо горсть защитниковъ уже бѣжала, хотя довольно было бы десяти ружей, чтобы перестрѣлять всю нашу колонну, скучившуюся на мосту.

Такимъ образомъ собственно самый штурмъ окончился менѣе, чѣмъ въ 2 минуты, при чемъ мы не понесли никакой потери, хотя въ серединѣ колонны, по принятому въ Туркестанѣ обычаю, всѣ офицеры бѣжали верхами и везлись два орудія Донской казачьей батареи.

Теперь весь вопросъ сводился лишь къ тому, какъ бы поскорѣе войти въ городъ, такъ какъ ворота были завалены, а толстая стѣна не менѣе пяти саженъ высотой.

Вся наша колонна стояла на мосту чрезъ ровъ крѣпости, тутъ же стояли и два орудія. Баронъ Меллеръ приказывалъ ломать ворота, но это нехотя исполнялось. Каждый видѣлъ безуспѣшность усилій пробить саженымъ тараномъ и тупымъ шанцевымъ инструментомъ карагачевыя, крѣпко окованныя ворота, заваленныя изнутри землею.

Пока мы возились съ воротами—раздались выстрѣлы въ крѣпости. Всѣ встревожились, стали стронуться и приготовляться къ отраженію непріятеля, но чрезъ пробитую щель въ воротахъ увидѣли, что въ городѣ уже ходятъ нѣсколько солдатъ изъ нашей же колонны и стрѣляютъ по убѣгающимъ жителямъ, уносящимъ свои пожитки. Эти солдаты, наскучивъ стоять у воротъ, спустились въ ровъ и скоро наткнулись на довольно широкое отверстіе въ нижней части стѣны для спуска въ ровъ грязной воды изъ города и чрезъ него проникли въ крѣпость, чтобы первая добыча при барантовѣхъ (узаконенный обычаемъ грабежъ взятыхъ городовъ) досталась бы имъ. Сейчасъ же послали шт.-капитана Боголюбова со взводомъ солдатъ, чтобы онъ, пробравшись чрезъ то же отверстіе въ стѣнѣ, откопалъ завалъ воротъ.

Вскорѣ затрещали ворота. К. Боголюбовъ забрался на зубецъ стѣны, махаетъ фуражкой, кричитъ «ура» и еще что-то, что мы уже не слышимъ,—такъ какъ въ это время ворота рухнули и мы спѣшимъ вѣхаться

¹⁾ Позже корпусный командиръ, умершій отъ ранъ, полученныхъ во время Японской войны.

²⁾ Нынѣ Прибалтійскій генералъ-губернаторъ, усмиритель Сибири въ 1906 г.

въ непріятельскій городъ, гдѣ насъ ждеть закуска у Скобелева и назначенія, кто къ какой наградѣ будетъ представленъ за оказанныя нами чудеса храбрости при окончившемся уже штурмѣ Андижана.

Первое, что открылось нашимъ глазамъ — была прямая широкая улица, идущая отъ воротъ къ центру города. Такъ какъ это была окраина и на ней не было ни лавокъ, ни чайхане, а дома прятались за высокими стѣнами садовъ, да при томъ было еще очень рано, то и отсутствіе на улицѣ людей не бросалось въ глаза и вообще ничто не напоминало, что мы штурмуемъ непріятельскій городъ. Вскорѣ вдали кривыхъ улицъ и переулковъ стали мелькать фигуры перебѣгающихъ изъ дома въ домъ жителей. По нимъ солдаты на-ходу открывали частый и почти всегда безуспѣшный огонь. На одномъ изъ перекрестковъ мы наткнулись на дряхлую, хромую старуху. Она подошла къ намъ, что-то крича и махая своимъ костылемъ. Ближайшій солдатъ сталъ въ нее прицѣливаться, но былъ остановленъ Боголюбовымъ, сказавшимъ, что нужно убивать жителей только мужескаго пола, но его перебилъ начальникъ колонны, заявивъ, что намъ некогда разбирать, кто мужчина и кто женщина и такой разборъ поведетъ лишь къ тому, что всѣ сарты одѣнутся въ юбки. Была ли послѣ этого убита старуха, я не помню и объ этомъ ни у кого не спрашивалъ, такъ какъ уже привыкъ считать это за пустяки, и если и запомнилъ этотъ случай, то лишь потому, что онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на одного только что выпущеннаго изъ училища офицера подпоручика Энгельгардта, который часто вспоминалъ о старухѣ, увѣряя, что она была заколота.

Теперь цѣлью нашего движенія была горка Гуль-Тюбе (въ переводѣ Вшивая горка), находившаяся въ самомъ бѣдномъ и населенномъ кварталѣ. Около этой возвышенности, единственной въ городѣ, должны были сойтись всѣ штурмовыя колонны и уже отъ нея, какъ отъ центра, начаться по всѣмъ направленіямъ такъ называемая въ реляціяхъ «систематическая очистка города отъ непріятеля, а въ сущности рѣзня и грабежъ жителей, какъ месть за неудавшійся первый штурмъ подъ командою генерала *Троцкого* ¹⁾, когда Андижанъ защищался бывшими въ то время въ немъ войсками.

Когда мы подошли къ Гуль-Тюбе, тамъ уже былъ Скобелевъ съ одною изъ колоннъ и скоро собрались и всѣ участники штурма, при чемъ ни въ одной колоннѣ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ.

Скобелевъ былъ занятъ распоряженіями по устройству на Гуль-Тюбе батареи, орудія которой могли бы обстрѣливать и разрушать городъ по всѣмъ направленіямъ. Мы, адъютанты, стояли, ожидая приказа-

ній, когда къ Скобелеву подошелъ командиръ 2-ой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, капитанъ Арванитаки, и доложилъ, что когда онъ шелъ съ ротой по городу, то бывший у него проводникъ, состоящій на русской службѣ джигидъ Саидъ, подѣхавъ къ одному изъ запертыхъ домовъ, что-то долго кричалъ чрезъ заборъ, откуда ему тоже что-то отвѣчали и хотя спрошенный затѣмъ чрезъ переводчика Саидъ и сказалъ, что будто-бы въ томъ домѣ живетъ его замужняя сестра, которой онъ и совѣтовалъ бѣжать изъ города, но что онъ, Арванитаки, все же счелъ долгомъ о семъ случаѣ доложить начальнику отряда. Скобелевъ быстро обернулся и обращаясь къ полковнику Меллеру сказалъ: «Вѣдь это переговоры съ непріателемъ? Я его разстрѣляю». На просьбу Арванитаки о снисхожденіи онъ добавилъ:

«Я и такъ принялъ во вниманіе, что онъ давно уже служитъ у насъ и имѣетъ медали, а потому я его не повѣшу, а разстрѣляю» и обратившись ко мнѣ приказалъ: «Поручикъ! Сейчасъ-же разстрѣляйте этого джигита».

Ошеломленный такимъ приказаніемъ я обратился за совѣтомъ къ барону Меллеру, но онъ сказалъ: «Вамъ ясно приказано, и Вы должны исполнить», отошелъ отъ меня и сталъ о чемъ-то болтать со Скобелевымъ.

Стоявшій тутъ же джигитъ, хотя ни слова не понимавшій по-русски и не чувствуя себя въ чемъ либо виновнымъ, услыша свое имя и догадавшись, что разговоръ идетъ о немъ, сильно перепугался и безпокойно озирался по сторонамъ, желая по выраженіямъ лицъ угадать, что его ожидаетъ. За малѣйшіе проступки ихъ сильно сбкли нагайками и потому онъ очень обрадовался, услыхавъ, что я его зову съ собою. Идти намъ пришлось по улицѣ, буквально запруженной войсками. Встрѣчая по пути ротныхъ командировъ, я передавалъ имъ приказаніе Скобелева разстрѣлять пришедшаго со мною джигита, но такое приказаніе разстрѣлять тутъ же стоявшаго человѣка съ веселой фizioноміей, такъ какъ я ему сказалъ, что онъ назначается проводникомъ въ роту, было необыкновенно даже и для туркестанца и при томъ исходило не непосредственно отъ его начальника, и каждый командиръ пускался въ разспросы о поступкѣ джигита и пр., а въ это время передняя часть очищала мѣсто, и мой собесѣдникъ поспѣшно уходилъ, извиняясь, что согласно инструкціи онъ не можетъ отстать отъ передней части. Наконецъ, я дошелъ до перекрестка улицъ, гдѣ стояла 3 рота 2 баталіона, которой было приказано не уходить до особаго приказанія, и къ командиру ея я и предъявилъ свое требованіе.

Послѣ долгихъ переговоровъ шт.-капитанъ Садыревъ спросилъ меня: «Кому Скобелевъ отдалъ это

¹⁾ Позже Виленскій генераль-губернаторъ.

приказаніе?». Я сказалъ, что я лично получилъ это приказаніе въ присутствіи своего непосредственнаго начальника, барона Меллера.

«Ну такъ что-же вы ко мнѣ-то пристааете? Вамъ приказано, вы и должны исполнить, а я вамъ только могу дать стрѣлковъ», сказалъ Садыревъ и, вызвавъ одно отдѣленіе своей роты, приказалъ имъ, во исполненіе приказа начальника отряда, застрѣлить того джигита, котораго я имъ укажу.

Только теперь я понялъ весь ужасъ своего положенія. Предъ этимъ—я уже побывалъ въ 14 дѣлахъ и уже привыкъ хладнокровно смотрѣть, какъ люди убиваютъ другъ друга, и даже не разъ видѣлъ, какъ убивали мирныхъ жителей только-что взятаго города, но все это продѣлывалось въ какомъ-то чаду, при звукахъ выстрѣловъ, когда отъ страха возможной смерти и чувства радости побѣды не въ силахъ ни анализировать, ни управлять своими чувствами, когда личная воля парализована чьею-то чужою волею и дисциплиною,—но тутъ отъ личного моего приказа должна послѣдовать смерть ни въ чемъ неповиннаго человѣка, и я не зналъ, на что рѣшиться. Мысли мои путались. Въ головѣ строились предположенія, одно фантастичнѣе другого.

То мнѣ хотѣлось сказать джигиту, для чего онъ приведенъ, и посоветовать бѣжать, но я плохо зналъ туземный языкъ, и онъ бы меня не понялъ, а главное не повѣрилъ-бы въ чудовищность рѣшенія начальника отряда и навѣрное опять явился бы въ нашъ отрядъ, гдѣ остались его пожитки и лошадь. То мнѣ думалось, что если я его легко раню, то онъ пойметъ, что ему нужно все бросивъ, бѣжать, спасая свою жизнь,—но куда онъ могъ бы бѣжать, разъ онъ измѣнилъ родинѣ, служилъ у насъ?

То мнѣ самому хотѣлось бѣжать съ нимъ, но я не зналъ сартовскаго языка, а главное они не повѣрили бы въ мое добровольное дезертирство и убили бы меня или, еще хуже, выдали бы меня обратно въ счетъ контрибуцій, какъ не разъ выдавали нашихъ дезертировъ изъ нижнихъ чиновъ. Долго бы, вѣроятно, я стоялъ въ этомъ состояніи какого-то гипноза, если бы не окликъ одного изъ солдатъ: «Ваше благородіе! Джигитъ ушелъ».

Дѣйствительно Саиду наскучило стоять, и онъ пошелъ по улицѣ, высматривая нельзя ли чего пограбить. Я сразу остановился на мысли, закричать ему, что за разговоръ его во время штурма при-

казано его разстрѣлывать, и солдаты выстрѣлять, а если Саидъ и убѣжить въ какія-либо ворота, то я все-же буду имѣть свидѣтелей, что я стрѣлялъ по немъ и что онъ бѣжалъ безъ моего разрѣшенія. Но какъ только солдаты зашумѣли затворами, заряжая свои берданки, Саидъ обернулся и сразу все понялъ. Онъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлавъ шагъ въ сторону, скрыться отъ насъ въ ворота, близъ которыхъ стоялъ, быстро сорвалъ съ себя чалму, растопырилъ руки и съ крикомъ: «Аманъ!»—бросился къ солдатамъ. Боже, что это былъ за крикъ полный ужаса и отчаянія. Мнѣ случилось слышать крики при пожарахъ и когда человѣкъ тонетъ,—въ нихъ все же слышалась надежда. Человѣкъ надѣется до послѣдней минуты, если даже не на помощь людей—то на Бога. Саидъ былъ лишенъ и этой надежды.

Ренегатъ, измѣнившій родинѣ и корану и служившій гурамъ, онъ уже не могъ надѣяться и на Аллаха.

Даже теперь, когда прошло уже 30 лѣтъ послѣ этого моего подневольнаго убійства, иной разъ, когда ночью кровь прилетѣтъ къ головѣ, я слышу во снѣ этотъ крикъ и въ ужасѣ просыпаюсь мокрый отъ холоднаго пота и до разсвѣта думаю о преимуществахъ христіанства, цивилизаціи и гуманности, во имя которыхъ мы продѣлывали всѣ свои звѣрства въ Средней Азіи.

Началась беспорядочная трескотня выстрѣловъ.

Я невольно закрылъ глаза, а когда взглянулъ—то увидѣлъ, что джигитъ корчится молча, лежа въ лужѣ своей крови. Одинъ изъ солдатъ подошелъ къ нему, приставилъ почти въ плотную дуло ружья и выстрѣлилъ. Саидъ вздрогнулъ, вытянулся во весь ростъ и болѣе уже не шевелился. Отъ этого выстрѣла, на немъ затлѣлъ ватный халатъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, при объѣздѣ позицій, я указалъ Скобелеву на казеннаго джигита, отъ котораго остался лишь обугленный трупъ, въ которомъ трудно было признать человѣка. Въ свѣтъ Скобелева былъ молодой капитанъ генеральнаго штаба А. Н. Куропаткинъ, который въ почтительной, но рѣзкой формѣ, осуждалъ примѣненіе правосудія въ подобномъ видѣ. Не переставая говорить объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ добился, что подобныхъ судовъ болѣе не было, по крайней мѣрѣ, надъ лицами служащими у русскихъ.

К. К. Трионовъ.

ТРУДЪ И БОЛѢЗНЬ.

Статья д-ра В. Рахманова.

Съ фізіологической точки зрѣнія всякая дѣятельность есть результатъ возбужденія нервной системы, передающагося мышцамъ. О сознательной дѣятельности говорятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ясно сознаемъ тѣ идеи, которыя связаны съ чувствованіями, возбуждающими нервную систему. Тѣ цѣли, для до-

стиженія которыхъ мы дѣствуемъ, всегда связаны съ какими-либо возбуждающими насъ чувствованіями. Мы не можемъ согласиться съ тѣми психологами, которые вмѣстѣ съ Фулье думаютъ, что идеи сами по себѣ могутъ вызвать дѣятельность.

Толстой, ибняющій письменный столъ на пахотное